

ЧУЖОЕ УТРО

И. К. НОРОД

И.К. Норд

Чужое утро

«Автор»

2026

Норд И.

Чужое утро / И. Норд — «Автор», 2026

Лев Громов просыпается утром и сразу чувствует: мир стал чужим. Картина на стене изменилась, жена помнит события, которых не было, а в почте лежит письмо от него самого — с завтрашней датой. Попытка разобраться приводит Льва к Институту контуров и тайне множества реальностей. В одном измерении Ника, девочка из его забытых воспоминаний, жива. В другом — Вера никогда его не любила. В третьем прошлое можно переписать, но за это придётся отдать часть собственной памяти. Чтобы вернуться домой, Лев должен пройти через миры-двойники, раскрыть причину давней аварии и понять, кто превращает человеческие потери в оружие. Но чем ближе он к разгадке, тем страшнее вопрос: существует ли его настоящий дом — или каждое утро он лишь просыпается в новой чужой жизни? «Чужое утро» — атмосферный фантастический роман о параллельных мирах, памяти, любви, выборе и цене возвращения. Для читателей психологической фантастики, мистики и приключенческих историй о множественных реальностях.

© Норд И., 2026

© Автор, 2026

И.К. Норд

Чужое утро

Эта история — художественный вымысел. Все совпадения с реальными людьми, местами и обстоятельствами случайны.

Для меня «Чужое утро» — история о памяти, любви и праве человека не прятаться от трудных воспоминаний. Пусть эта книга напомнит: даже знакомый мир остаётся живым, пока мы умеем замечать его по-новому.

И. К. Норд

Лев Громов проснулся в 06:17 — на минуту раньше будильника, как просыпался последние десять лет. За окном стоял ноябрьский свет: серый, осторожный, будто город ещё не решил, стоит ли ему существовать. Вера спала рядом, положив ладонь на край одеяла. Всё было на месте — и всё было чуть-чуть не там. На стене висела картина с маками. Вчера на ней были три белых пиона, подарок матери Веры. Теперь маки горели такой краснотой, что Леву захотелось закрыть глаза.

Он не сказал Вере о картине. Не сказал и о кружке на кухне: вчера она была с отколотой ручкой, сегодня — целая, с надписью «ДОМ — ЭТО ТО, ЧТО ПОМНИТ ТЕБЯ». Самое страшное заключалось не в переменах, а в их безупречной логике. Вера помнила, как покупала кружку на вокзале. Сосед Игорь помнил, как помогал повесить картину. Один Лев помнил другое. И впервые ему пришла мысль, от которой стало холодно: может быть, ошибка — он сам.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в витрине застыла тень мальчика с красным шаром, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в полдень над городом раздался второй звон колокола.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нельзя было произносить имена вслух; подтверждением было то, что в полдень над городом раздался второй звон колокола. Переход вывел его к месту: ночной вокзал с несуществующей платформой; там на всех часах было 06:17, и, пока в полдень над городом раздался второй звон колокола, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из кармана находку — обгоревшая карточка с детским рисунком. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в полдень над городом раздался второй звон колокола, Льву предстояло оставить Веру в чужом городе.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в полдень над городом раздался второй звон колокола.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка приблизила его к архиву Института, потому что она была связана с тем, как в полдень над городом раздался второй звон колокола.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в полдень над городом раздался второй звон колокола; на маршруте был отмечен и этот предмет: обгоревшая карточка с детским рисунком. Вместе они заметили: правило «нельзя было произносить имена вслух» утрачивает силу, когда в полдень над городом раздался второй звон колокола.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в полдень над городом раздался второй звон колокола, явление

исчезло, а на подоконнике оказался обгоревшая карточка с детским рисунком, и находка приблизила его к архиву Института.

В метро Лев увидел женщину в жёлтом пальто. Вчера она плакала на платформе, сжимая телефон, и он запомнил её потому, что никто не подошёл. Сегодня она стояла на том же месте и улыбалась мальчику с бумажным корабликом. Лицо было тем же, улыбка — чужой. Лев спросил, не потеряла ли она вчера браслет. Женщина побледнела и сказала, что браслета у неё никогда не было. Потом добавила: «Вы тоже слышите, как город считает?»

Вечером он нашёл в почте письмо от самого себя. Дата — завтрашняя. В теме было одно слово: «НЕ ИСПРАВЛЯЙ». Внутри — пустой лист, кроме координат старого дома на окраине и времени: 23:40. Лев не пошёл бы, если бы Вера, наливая чай, не спросила вдруг: «Ты опять работаешь в Институте контуров?» Он никогда там не работал. Или, точнее, не помнил, что работал.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в трамвае кондуктор назвал его именем погибшего отца, а рядом происходило ещё одно несоответствие: девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: двери открывались лишь после честного ответа; подтверждением было то, что девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени. Переход вывел его к месту: двор старого дома, где окна меняли этажи; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и передала ему предмет обеими руками — стеклянная пластина с отпечатком ладони. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, Льву предстояло признать свою вину перед Верой.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка превратила старую фотографию в ключ, потому что она была связана с тем, как девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени; на маршруте был отмечен и этот предмет: стеклянная пластина с отпечатком ладони. Вместе они заметили: правило «двери открывались лишь после честного ответа» утрачивает силу, когда девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, явление исчезло, а на подоконнике оказалась стеклянная пластина с отпечатком ладони, и находка превратила старую фотографию в ключ.

Дом оказался бывшим детским садом, заколоченным после пожара. За его окнами стояла темнота, но на втором этаже мерцал голубой свет. В коридоре пахло мокрой штукатуркой и озоном. На стенах висели детские рисунки: дома, солнца, люди. Во всех рисунках один человек был закрашен белым карандашом так густо, будто бумагу пытались стереть.

В комнате с надписью «МЕТОДИЧЕСКАЯ» его ждала женщина в жёлтом пальто. Она назвалась Майей Сорокиной и сказала, что в других слоях её зовут иначе. «Ты проснулся не после сна, Лев. Ты проснулся между версиями. И если не вернёшься, скоро станешь чужим

даже для собственной памяти». На столе лежала фотография: Лев, Вера и девочка лет семи. Девочка держала его за руку. Лев не знал её имени.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на мостовой возникли детские следы, обрывавшиеся у воды, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: дорога менялась после каждого обещания; подтверждением было то, что на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях. Переход вывел его к месту: пустая школа с мокрыми коридорами; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и подвинула к нему находку по столу — ключ без замочной скважины. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, Льву предстояло решить, кого спасти в первую очередь.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был охранником Института контуров, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка показала, что дом не всегда находится по адресу, потому что она была связана с тем, как на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях; на маршруте был отмечен и этот предмет: ключ без замочной скважины. Вместе они заметили: правило «дорога менялась после каждого обещания» утрачивает силу, когда на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, явление исчезло, а на подоконнике оказался ключ без замочной скважины, и находка показала, что дом не всегда находится по адресу.

Майя сказала: «Её звали Ника». От простого звука имя ударило сильнее любой угрозы. Лев увидел вдруг маленькие пальцы, испачканные чернилами; услышал детский голос: «Папа, не выключай ночник, пока не усну». Воспоминание пришло целиком, с запахом яблочного шампуня и шорохом пледа, — и тут же рассыпалось. Вера никогда не рожала. По крайней мере, в этом мире.

Майя объяснила, что десять лет назад группа физиков построила «камеру согласования» — прибор, способный ловить близкие варианты реальности. Проект закрыли после аварии. Но камера не исчезла: она научилась искать людей, которые способны помнить соседние слои. Лев был одним из них. Он не просто выжил после аварии. Он увёл с собой часть мира, в котором Ника осталась жива.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в лифте зазвучала колыбельная, которой не знала Вера, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: незнакомцы помнили только то, что им не принадлежало; подтверждением было то, что в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники. Переход вывел его к месту: городской музей, закрытый после полуночи; там двери

открывались в комнаты из детства, и, пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила улику на перевернутую фотографию — карта города с зачёркнутой рекой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, Льву предстояло отпустить шанс переписать прошлое.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка вернула Льву фрагмент детского воспоминания, потому что она была связана с тем, как в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники; на маршруте был отмечен и этот предмет: карта города с зачёркнутой рекой. Вместе они заметили: правило «незнакомцы помнили только то, что им не принадлежало» утрачивает силу, когда в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, явление исчезло, а на подоконнике оказался карта города с зачёркнутой рекой, и находка вернула Льву фрагмент детского воспоминания.

С тех пор Лев начал замечать ритм. Светофоры щёлкали одновременно с ударами его сердца. Лифты приезжали ровно тогда, когда он думал о нужном этаже. На рекламных экранах вспыхивало число 17. В 17:17 на улице переставали идти люди, и на одну секунду город превращался в декорацию: окна гасли, голуби зависали в воздухе, ветер забывал двигаться.

В эту секунду Лев увидел Веру по другую сторону площади. Она стояла спиной к нему, хотя настоящая Вера в это время была дома. Вторая Вера обернулась. В её глазах было не узнавание, а усталость человека, который давно ждал. «Не ищи Нику, — сказала она. — Иначе потеряешь меня во всех мирах». Потом время снова пошло, и площадь оказалась пустой.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на газетной полосе появилась его завтрашняя фотография, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нельзя было смотреть в окна после заката; подтверждением было то, что на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо. Переход вывел его к месту: больница без пациентов; там на всех часах было 06:17, и, пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и вынула находку из внутреннего кармана — письмо, адресованное человеку без имени. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, Льву предстояло встретиться с двойником лицом к лицу.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка позволила услышать настоящий голос Ники, потому что она была связана с тем, как на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо; на маршруте был отмечен и этот предмет: письмо, адресованное человеку без имени. Вместе они заметили: правило «нельзя было смотреть в окна после заката» утрачивает силу, когда на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, явление исчезло, а на подоконнике оказался письмо, адресованное человеку без имени, и находка позволила услышать настоящий голос Ники.

Под библиотекой старого института Майя показала ему архив: тысячи тонких пластинок, похожих на стеклянные письма. Каждая хранила события, которые почти случились. На одной Лев поступил в мореходное училище. На другой Вера ушла от него в двадцать восемь. На третьей Ника сидела у окна, взрослая, и рисовала маки. Лев не мог отвести глаз от её лица: оно было одновременно незнакомым и единственным, которое он всю жизнь искал.

Но архив был болен. Пластины дрожали, их края таяли, а в центре зала росла тёмная трещина. Майя назвала её Тишиной. Тишина не разрушала миры сразу; она делала их удобными. Она заменяла боль правильными объяснениями, а живых людей — точными копиями. «Твоя Вера уже чувствует, что ты помнишь лишнее, — сказала Майя. — Скоро ей предложат тебя забыть».

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии во дворе погасли все окна, кроме одного, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: дети видели разломы, но не могли о них говорить; подтверждением было то, что в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой. Переход вывел его к месту: речной порт под землёй; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и вынула из конверта странный предмет — маленький ночник в форме луны. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, Льву предстояло позволить камере выбрать за него.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был машинистом первого городского трамвая, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка дала Майе новый след, потому что она была связана с тем, как в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой; на маршруте был отмечен и этот предмет: маленький ночник в форме луны. Вместе они заметили: правило «дети видели разломы, но не могли о них говорить» утрачивает силу, когда в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, явление исчезло, а на подоконнике оказался маленький ночник в форме луны, и находка дала Майе новый след.

Лев рассказал Вере всё в ту же ночь. Он говорил неубедительно, сбивчиво, как человек, который пытается доказать существование воздуха. Она слушала молча. Когда он произнёс имя Ники, Вера закрыла лицо руками. Потом сказала, что последние недели ей снятся одинаковые сны: девочка в белой комнате спрашивает, почему мама не приходит. «Я просыпалась и думала, что это сон, — прошептала Вера. — А теперь думаю: может, сон — это мы».

Она не поверила Майе, но поверила Льву. Это было важнее любого прибора. Вера достала из шкафа коробку, которой у них не было вчера. Внутри лежали детские рисунки, больничный браслет, половина зелёной заколки и записка детским почерком: «Если я потеряюсь, ищите там, где свет не умеет греть». На обратной стороне был нарисован старый сад с чёрным прудом.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии незнакомый мальчик протянул ему билет с номером 17, а рядом происходило ещё одно несоответствие: под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нужно было идти только против потока людей; подтверждением было то, что под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями. Переход вывел его к месту: квартал одинаковых домов на краю города; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и протянула находку через полоску света — фотография Веры в незнакомом платье. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, Льву предстояло сказать Вере правду, которую она не хочет слышать.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка открыла путь к подземной реке, потому что она была связана с тем, как под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями; на маршруте был отмечен и этот предмет: фотография Веры в незнакомом платье. Вместе они заметили: правило «нужно было идти только против потока людей» утрачивает силу, когда под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, явление исчезло, а на подоконнике оказалась фотография Веры в незнакомом платье, и находка открыла путь к подземной реке.

Сад находился там, где на картах значился пустырь. Деревья росли в ровных кругах, а их листья были прозрачны, как тонкое стекло. В пруду отражалось не небо, а комнаты из прошлого: их первая съёмная квартира, роддом, школьный коридор, которого Ника не успела увидеть. В центре сада стоял мальчик с лицом Льва в детстве. Он назвался Смотрителем и сказал, что память — не дорога назад, а материал, из которого строятся новые клетки.

Смотритель предложил выбор. Можно вернуть Нику, но тогда этот слой рухнет: Вера, живущая здесь, исчезнет, потому что никогда не станет той женщиной, которая потеряла дочь. Можно оставить всё как есть — и Тишина закроет разлом, забрав у Льва воспоминания. «Есть третий путь, — сказал Лев. — Найти, что именно камера считает ошибкой». Смотритель улыбнулся так, будто ждал этого ответа.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в подъезде пахло морем, хотя до моря были тысячи километров, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: свет гас, когда он думал о возвращении; подтверждением было то, что на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал. Переход вывел его к месту: обсерватория на крыше института; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила вещь на край подоконника — половина серебряной пуговицы. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, Льву предстояло дать Тишине забрать имя Ники.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка связала аварию с выбором самого Льва, потому что она была связана с тем, как на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал; на маршруте был отмечен и этот предмет: половина серебряной пуговицы. Вместе они заметили: правило «свет гас, когда он думал о возвращении» утрачивает силу, когда на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, явление исчезло, а на подоконнике оказался половина серебряной пуговицы, и находка связала аварию с выбором самого Льва.

Камера была спрятана под детским садом. Она не походила на машину: скорее, на зал, в котором кто-то вывернул ночь наизнанку. В воздухе висели кольца света, а между ними медленно плыли предметы из разных жизней — ключи, игрушки, билеты, чужие фотографии. В центре стоял Андрей Воронцов, бывший руководитель проекта и наставник Льва. Он не изменился за десять лет, потому что давно не принадлежал одному времени.

Воронцов сказал, что авария была не ошибкой. Они пытались спасти людей от случайности, создать мир без необратимых потерь. Камера начала выбирать наиболее устойчивую версию — ту, где люди меньше страдают. «Она делает милосердие математикой», — сказал он. Лев ответил, что без боли любовь превращается в инструкцию. Воронцов нажал на ладонь кристалл, и весь зал заполнился голосом Ники: «Папа, ты обещал не бояться».

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии старая женщина назвала Нику взрослым именем, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: тень всегда выбирала путь раньше человека; подтверждением было то, что в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам. Переход вывел его к месту: рынок, где продавали чужие воспоминания; там на всех

часах было 06:17, и, пока в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и сняла с шеи вещь, которую берегла — три спички в коробке без этикетки. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам, Льву предстояло отказаться от обещания, которое нельзя выполнить.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка изменила карту переходов, потому что она была связана с тем, как в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам; на маршруте был отмечен и этот предмет: три спички в коробке без этикетки. Вместе они заметили: правило «тень всегда выбирала путь раньше человека» утрачивает силу, когда в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам, явление исчезло, а на подоконнике оказался три спички в коробке без этикетки, и находка изменила карту переходов.

Камера показала Льву идеальную жизнь. Ника была жива, Вера смеялась на кухне, картины всегда оставались прежними, никто не умирал и не уходил. Но в каждом лице таилась ровная гладкость. Ника обняла его, и Лев почувствовал, что она знает правильные слова, но не знает его. Она была сохранённой формой, не живым продолжением. За окном этого мира снег падал вверх, потому что даже природе здесь запрещали ошибаться.

Лев почти остался. Его остановила Вера из настоящего слоя. Она вошла в видение и сказала: «Если ты выберешь её копию, ты выберешь не дочь. Ты выберешь свою вину». В ответ появился другой Лев — тот, кто десять лет назад включил камеру, чтобы увидеть вариант, где Ника выжила. «Ты уже раз сделал выбор, — сказал он. — Теперь сделай честный».

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в телефонной будке лежал ключ от их квартиры, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: каждый звонок требовал оставить одно воспоминание; подтверждением было то, что на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад. Переход вывел его к месту: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и подняла с пола предмет, будто ждала его — кассета с голосом Ники. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, Льву предстояло не поддаться голосу ребёнка из темноты.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка оставила на ладони знак следующего измерения, потому что она была связана с тем, как на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад; на маршруте был отмечен и этот предмет: кассета с голосом Ники. Вместе они заметили: правило «каждый звонок требовал оставить одно воспоминание» утрачивает силу, когда на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, явление исчезло, а на подоконнике оказался кассета с голосом Ники, и находка оставила на ладони знак следующего измерения.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: ночной вокзал с несуществующей платформой; воздух пах дождём и железом, на всех часах было 06:17, вдобавок в полдень над городом раздался второй звон колокола, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в полдень над городом раздался второй звон колокола. В кармане оказалась находка: обгоревшая карточка с детским рисунком; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в полдень над городом раздался второй звон колокола.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на школьной доске кто-то написал дату аварии, а рядом происходило ещё одно несоответствие: пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: люди исчезали из поля зрения, если их пожалеть; подтверждением было то, что пожилая женщина кормила птиц крошками из письма. Переход вывел его к месту: архив кинохроники; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из сумки единственную улику — часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, Льву предстояло сделать выбор без гарантии вернуться.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка связала все варианты Веры в одну цепочку, потому что она была связана с тем, как пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока пожилая женщина кормила птиц крошками из письма; на маршруте был отмечен и этот предмет: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Вместе они заметили: правило «люди исчезали из поля зрения, если их пожалеть» утрачивает силу, когда пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, явление исчезло, а на подоконнике оказался часы, на которых отсутствовала минутная стрелка, и находка связала все варианты Веры в одну цепочку.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: двор старого дома, где окна меняли этажи; воздух пах дождём и железом, в зеркалах отражался другой день, вдобавок девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был машинистом первого городского трамвая и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени. В кармане оказалась находка: половина серебряной пуговицы; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в почтовом ящике нашлась открытка из города, которого не было на карте, а рядом происходило ещё одно несоответствие: из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: вещи возвращались на место только после прощения; подтверждением было то, что из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака. Переход вывел его к месту: маленькая гостиница у реки; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и разжала ладонь и показала улику — трамвайный билет с завтрашней датой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака, Льву предстояло потерять последнее настоящее воспоминание.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был мастером часов, ни разу не видевшим полдня, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка сделала Сбившихся его союзниками, потому что она была связана с тем, как из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака; на маршруте был отмечен и этот предмет: трамвайный билет с завтрашней датой. Вместе они заметили: правило «вещи возвращались на место только после прощения» утрачивает силу, когда из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака, явление исчезло, а на подоконнике оказался трамвайный билет с завтрашней датой, и находка сделала Сбившихся его союзниками.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: пустая школа с мокрыми коридорами; воздух пах дождём и железом, снег шёл снизу вверх, вдобавок на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

В кармане оказалась находка: ключ без замочной скважины; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии дворник подметал снег, оставляя на асфальте стрелки, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Не торопясь, Лев проверил правило мира: любая ложь стирала один предмет из памяти; подтверждением было то, что в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись». Переход вывел его к месту: ночной вокзал с несуществующей платформой; там на всех часах было 06:17, и, пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из книги спрятанную улику — обгоревшая карточка с детским рисунком. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», Льву предстояло вернуть найденную улику её настоящему владельцу.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка подготовила его к решающему возвращению, потому что она была связана с тем, как в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись»; на маршруте был отмечен и этот предмет: обгоревшая карточка с детским рисунком. Вместе они заметили: правило «любая ложь стирала один предмет из памяти» утрачивает силу, когда в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», явление исчезло, а на подоконнике оказался обгоревшая карточка с детским рисунком, и находка подготовила его к решающему возвращению.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: городской музей, закрытый после полуночи; воздух пах дождём и железом, люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, вдобавок в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники. В кармане оказалась находка: кассета с голосом Ники; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии по радио передали голос Веры из другого мира, а рядом происходило ещё одно несоответствие: у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

Не торопясь, Лев проверил правило мира: часы шли назад, если он касался чужих фотографий; подтверждением было то, что у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать». Переход вывел его к месту: двор старого дома, где окна меняли этажи; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и бережно раскрыла ладонь с предметом — стеклянная пластина с отпечатком ладони. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», Льву предстояло принять, что некоторые двери нельзя открыть.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка заставила Воронцова впервые усомниться, потому что она была связана с тем, как у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать»; на маршруте был отмечен и этот предмет: стеклянная пластина с отпечатком ладони. Вместе они заметили: правило «часы шли назад, если он касался чужих фотографий» утрачивает силу, когда у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», явление исчезло, а на подоконнике оказался стеклянная пластина с отпечатком ладони, и находка заставила Воронцова впервые усомниться.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: больница без пациентов; воздух пах дождём и железом, у прохожих не было теней, вдобавок на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо. В кармане оказалась находка: письмо, адресованное человеку без имени; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в мокром стекле проявился рисунок детской ладони, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: вода отражала не лицо, а последнее сожаление; подтверждением было то, что в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки. Переход вывел его к месту: пустая школа с мокрыми коридорами; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила перед ним предмет — ключ без замочной скважины. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки, Льву предстояло согласиться на жизнь, где аварии не было.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был охранником Института контуров, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка разрушила одно из ложных убежищ, потому что она была связана с тем, как в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки; на маршруте был отмечен и этот предмет: ключ без замочной скважины. Вместе они заметили: правило «вода отражала не лицо, а последнее сожаление» утрачивает силу, когда в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шка- тулки, явление исчезло, а на подоконнике оказался ключ без замочной скважины, и находка разрушила одно из ложных убежищ.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: речной порт под зем- лёй; воздух пах дождём и железом, телефоны звонили без номеров, вдобавок в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, и боль от свежего пореза в ладони убе- дила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой. В кармане оказалась находка: трамвай- ный билет с завтрашней датой; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на остановке появился автобус без водителя, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в парке качели двигались, хотя ветра не было.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: переход закрывался, когда кто-то произносил слово «дом»; подтверждением было то, что в парке качели двигались, хотя ветра не было. Пере- ход вывел его к месту: городской музей, закрытый после полуночи; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока в парке качели двигались, хотя ветра не было, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и сняла с запястья необыч- ную вещь — карта города с зачёркнутой рекой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каж- дое утро забывает предыдущую неделю; пока в парке качели двигались, хотя ветра не было, Льву предстояло поверить версии мира, где он счастлив один.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в парке качели двигались, хотя ветра не было.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка показала слабое место Тишины, потому что она была связана с тем, как в парке качели двигались, хотя ветра не было.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в парке качели двигались, хотя ветра не было; на маршруте был отмечен и этот предмет: карта города с зачёркнутой рекой. Вместе они заметили: правило «переход закрывался, когда кто-то произносил слово «дом»» утрачивает силу, когда в парке качели двигались, хотя ветра не было.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в парке качели двигались, хотя ветра не было, явление исчезло, а на подоконнике оказался карта города с зачёркнутой рекой, и находка показала слабое место Тишины.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: квартал одинаковых домов на краю города; воздух пах дождём и железом, на каждом окне стояла одна и та же зелё- ная заколка, вдобавок под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока под мостом кто- то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями. В кармане оказалась находка: фото-

графия Веры в незнакомом платье; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии чужой ребёнок спросил, почему Лев всё ещё боится проснуться, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: все письма приходили на минуту раньше отправки; подтверждением было то, что на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить. Переход вывел его к месту: больница без пациентов; там на всех часах было 06:17, и, пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и показала улику в свете фонаря — письмо, адресованное человеку без имени. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить, Льву предстояло оставить в чужом мире часть собственной памяти.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка предупредила о последней настройке камеры, потому что она была связана с тем, как на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить; на маршруте был отмечен и этот предмет: письмо, адресованное человеку без имени. Вместе они заметили: правило «все письма приходили на минуту раньше отправки» утрачивает силу, когда на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить, явление исчезло, а на подоконнике оказался письмо, адресованное человеку без имени, и находка предупредила о последней настройке камеры.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: обсерватория на крыше института; воздух пах дождём и железом, река текла к истоку, вдобавок на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был мастером часов, ни разу не видевшим полдня и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал. В кармане оказалась находка: стеклянная пластина с отпечатком ладони; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в витрине застыла тень мальчика с красным шаром, а рядом происходило ещё одно несоответствие: с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нельзя было произносить имена вслух; подтверждением было то, что с крыши старого дома падали капли тёплой воды. Переход вывел его к месту: речной порт под землёй; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только

собирался сказать, и, пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из кармана находку — маленький ночник в форме луны. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды, Льву предстояло оставить Веру в чужом городе.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был машинистом первого городского трамвая, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка приблизила его к архиву Института, потому что она была связана с тем, как с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды; на маршруте был отмечен и этот предмет: маленький ночник в форме луны. Вместе они заметили: правило «нельзя было произносить имена вслух» утрачивает силу, когда с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда с крыши старого дома падали капли тёплой воды, явление исчезло, а на подоконнике оказался маленький ночник в форме луны, и находка приблизила его к архиву Института.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: рынок, где продавали чужие воспоминания; воздух пах дождём и железом, все фотографии были сделаны завтра, вдобавок в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам. В кармане оказалась находка: три спички в коробке без этикетки; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в трамвае кондуктор назвал его именем погибшего отца, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: двери открывались лишь после честного ответа; подтверждением было то, что в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе. Переход вывел его к месту: квартал одинаковых домов на краю города; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и передала ему предмет обеими руками — фотография Веры в незнакомом платье. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе, Льву предстояло признать свою вину перед Верой.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка превратила старую фотографию в ключ, потому что она была связана с тем, как в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе; на маршруте был отмечен и этот предмет: фотография Веры в незнакомом платье. Вместе они заметили: правило «двери открывались лишь после честного ответа» утрачивает силу, когда в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе, явление исчезло, а на подоконнике оказался фотография Веры в незнакомом платье, и находка превратила старую фотографию в ключ.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; воздух пах дождём и железом, двери открывались в комнаты из детства, вдобавок на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад. В кармане оказалась находка: карта города с зачёркнутой рекой; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на мостовой возникли детские следы, обрывавшиеся у воды, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: дорога менялась после каждого обещания; подтверждением было то, что на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде. Переход вывел его к месту: обсерватория на крыше института; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и подвинула к нему находку по столу — половина серебряной пуговицы. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде, Льву предстояло решить, кого спасти в первую очередь.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка показала, что дом не всегда находится по адресу, потому что она была связана с тем, как на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде; на маршруте был отмечен и этот предмет: половина серебряной пуговицы. Вместе они заметили: правило «дорога менялась после каждого обещания» утрачивает силу, когда на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде, явление исчезло, а на подоконнике оказался половина серебряной пуговицы, и находка показала, что дом не всегда находится по адресу.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: архив кинохроники; воздух пах дождём и железом, фонари загорались от прикосновения памяти, вдобавок пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был охранником Института контуров и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока пожилая женщина кормила птиц крошками из письма. В кармане оказалась находка: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в лифте зазвучала колыбельная, которой не знала Вера, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: незнакомцы помнили только то, что им не принадлежало; подтверждением было то, что в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме. Переход вывел его к месту: рынок, где продавали чужие воспоминания; там на всех часах было 06:17, и, пока в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила улику на перевёрнутую фотографию — три спички в коробке без этикетки. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме, Льву предстояло отпустить шанс переписать прошлое.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка вернула Льву фрагмент детского воспоминания, потому что она была связана с тем, как в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме; на маршруте был отмечен и этот предмет: три спички в коробке без этикетки. Вместе они заметили: правило «незнакомцы помнили только то, что им не принадлежало» утрачивает силу, когда в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме, явление исчезло, а на подоконнике оказался три спички в коробке без этикетки, и находка вернула Льву фрагмент детского воспоминания.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: маленькая гостиница у реки; воздух пах дождём и железом, птицы летели по кругу, не двигаясь вперёд, вдобавок из окна чердака свисала красная нить, уходящая в облака, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока из окна чердака свисала красная нить, уходящая в облака. В кармане оказалась находка: малень-

кий ночник в форме луны; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на газетной полосе появилась его завтрашняя фотография, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нельзя было смотреть в окна после заката; подтверждением было то, что на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами. Переход вывел его к месту: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и вынула находку из внутреннего кармана — кассета с голосом Ники. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами, Льву предстояло встретиться с двойником лицом к лицу.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка позволила услышать настоящий голос Ники, потому что она была связана с тем, как на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами; на маршруте был отмечен и этот предмет: кассета с голосом Ники. Вместе они заметили: правило «нельзя было смотреть в окна после заката» утрачивает силу, когда на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами, явление исчезло, а на подоконнике оказался кассета с голосом Ники, и находка позволила услышать настоящий голос Ники.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: ночной вокзал с несуществующей платформой; воздух пах дождём и железом, на всех часах было 06:17, вдобавок в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись». В кармане оказалась находка: обгоревшая карточка с детским рисунком; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии во дворе погасли все окна, кроме одного, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: дети видели разломы, но не могли о них говорить; подтверждением было то, что в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты. Переход вывел его к месту: архив кинохроники; там на каждом окне стояла одна и та же зелё-

ная заколка, и, пока в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и вынула из конверта странный предмет — часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты, Льву предстояло позволить камере выбрать за него.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка дала Майе новый след, потому что она была связана с тем, как в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты; на маршруте был отмечен и этот предмет: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Вместе они заметили: правило «дети видели разломы, но не могли о них говорить» утрачивает силу, когда в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты, явление исчезло, а на подоконнике оказался часы, на которых отсутствовала минутная стрелка, и находка дала Майе новый след.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: двор старого дома, где окна меняли этажи; воздух пах дождём и железом, в зеркалах отражался другой день, вдобавок у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был машинистом первого городского трамвая и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать». В кармане оказалась находка: половина серебряной пуговицы; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии незнакомый мальчик протянул ему билет с номером 17, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель».

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нужно было идти только против потока людей; подтверждением было то, что на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель». Переход вывел его к месту: маленькая гостиница у реки; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель», он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и протянула находку через полосу света — трамвайный билет с завтрашней датой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель», Льву предстояло сказать Вере правду, которую она не хочет слышать.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был мастером часов, ни разу не видевшим полдня, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель».

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка открыла путь к подземной реке, потому что она была связана с тем, как на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель».

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель»; на маршруте был отмечен и этот предмет: трамвайный билет с завтрашней датой. Вместе они заметили: правило «нужно было идти только против потока людей» утрачивает силу, когда на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель».

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель», явление исчезло, а на подоконнике оказался трамвайный билет с завтрашней датой, и находка открыла путь к подземной реке.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: пустая школа с мокрыми коридорами; воздух пах дождём и железом, снег шёл снизу вверх, вдобавок в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки. В кармане оказалась находка: ключ без замочной скважины; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в подъезде пахло морем, хотя до моря были тысячи километров, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: свет гас, когда он думал о возвращении; подтверждением было то, что на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом. Переход вывел его к месту: ночной вокзал с несуществующей платформой; там на всех часах было 06:17, и, пока на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила вещь на край подоконника — обгоревшая карточка с детским рисунком. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом, Льву предстояло дать Тишине забрать имя Ники.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка связала аварию с выбором самого Льва, потому что она была связана с тем, как на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом; на маршруте был отмечен и этот предмет: обгоревшая карточка с детским рисунком. Вместе они заметили: правило «свет гас, когда он думал о возвращении» утрачивает силу, когда на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом, явление исчезло, а на подоконнике оказался обгоревшая карточка с детским рисунком, и находка связала аварию с выбором самого Льва.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: городской музей, закрытый после полуночи; воздух пах дождём и железом, люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, вдобавок в парке качели двигались, хотя ветра не было, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в парке качели двигались, хотя ветра не было. В кармане оказалась находка: кассета с голосом Ники; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в парке качели двигались, хотя ветра не было.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии старая женщина назвала Нику взрослым именем, а рядом происходило ещё одно несоответствие: из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: тень всегда выбирала путь раньше человека; подтверждением было то, что из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками. Переход вывел его к месту: двор старого дома, где окна меняли этажи; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и сняла с шеи вещь, которую берегла — стеклянная пластина с отпечатком ладони. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками, Льву предстояло отказаться от обещания, которое нельзя выполнить.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка изменила карту переходов, потому что она была связана с тем, как из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками; на маршруте был отмечен и этот предмет: стеклянная пластина с отпечатком ладони. Вместе они заметили: правило «тень всегда выбирала путь раньше человека» утрачивает силу, когда из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками, явление исчезло, а на подоконнике оказался стеклянная пластина с отпечатком ладони, и находка изменила карту переходов.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: больница без пациентов; воздух пах дождём и железом, у прохожих не было теней, вдобавок на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить. В кармане оказалась находка: письмо, адресованное человеку без имени; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в телефонной будке лежал ключ от их квартиры, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: каждый звонок требовал оставить одно воспоминание; подтверждением было то, что на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва. Переход вывел его к месту: пустая школа с мокрыми коридорами; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и подняла с пола предмет, будто ждала его — ключ без замочной скважины. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва, Льву предстояло не поддаваться голосу ребёнка из темноты.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был охранником Института контуров, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка оставила на ладони знак следующего измерения, потому что она была связана с тем, как на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва; на маршруте был отмечен и этот предмет: ключ без

замочной скважины. Вместе они заметили: правило «каждый звонок требовал оставить одно воспоминание» утрачивает силу, когда на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва, явление исчезло, а на подоконнике оказался ключ без замочной скважины, и находка оставила на ладони знак следующего измерения.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: речной порт под землёй; воздух пах дождём и железом, телефоны звонили без номеров, вдобавок с крыши старого дома падали капли тёплой воды, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды. В кармане оказалась находка: трамвайный билет с застрахованной датой; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на школьной доске кто-то написал дату аварии, а рядом происходило ещё одно несоответствие: над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: люди исчезали из поля зрения, если их пожалеть; подтверждением было то, что над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света. Переход вывел его к месту: городской музей, закрытый после полуночи; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из сумки единственную улику — карта города с зачёркнутой рекой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света, Льву предстояло сделать выбор без гарантии вернуться.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка связала все варианты Веры в одну цепочку, потому что она была связана с тем, как над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света; на маршруте был отмечен и этот предмет: карта города с зачёркнутой рекой. Вместе они заметили: правило «люди исчезали из поля зрения, если их пожалеть» утрачивает силу, когда над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света, явление исчезло, а на подоконнике оказался карта города с зачёркнутой рекой, и находка связала все варианты Веры в одну цепочку.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: квартал одинаковых домов на краю города; воздух пах дождём и железом, на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, вдобавок в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе. В кармане оказалась находка: фотография Веры в незнакомом платье; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в библиотеке все книги были раскрыты на страницах о выборе.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в почтовом ящике нашлась открытка из города, которого не было на карте, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: вещи возвращались на место только после прощения; подтверждением было то, что в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты. Переход вывел его к месту: больница без пациентов; там на всех часах было 06:17, и, пока в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и разжала ладонь и показала улику — письмо, адресованное человеку без имени. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты, Льву предстояло потерять последнее настоящее воспоминание.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка сделала Сбившихся его союзниками, потому что она была связана с тем, как в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты; на маршруте был отмечен и этот предмет: письмо, адресованное человеку без имени. Вместе они заметили: правило «вещи возвращались на место только после прощения» утрачивает силу, когда в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты, явление исчезло, а на подоконнике оказался письмо, адресованное человеку без имени, и находка сделала Сбившихся его союзниками.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: обсерватория на крыше института; воздух пах дождём и железом, река текла к истоку, вдобавок на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был мастером часов, ни разу не видевшим полдня и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде. В кармане оказалась находка: стеклянная пластина с отпечатком ладони; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на берегу реки стояли пустые ботинки, обращённые носами к воде.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии дворник подметал снег, оставляя на асфальте стрелки, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в полдень над городом раздался второй звон колокола.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: любая ложь стирала один предмет из памяти; подтверждением было то, что в полдень над городом раздался второй звон колокола. Переход вывел его к месту: речной порт под землёй; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока в полдень над городом раздался второй звон колокола, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из книги спрятанную улику — маленький ночник в форме луны. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в полдень над городом раздался второй звон колокола, Льву предстояло вернуть найденную улику её настоящему владельцу.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был машинистом первого городского трамвая, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в полдень над городом раздался второй звон колокола.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка подготовила его к решающему возвращению, потому что она была связана с тем, как в полдень над городом раздался второй звон колокола.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в полдень над городом раздался второй звон колокола; на маршруте был отмечен и этот предмет: маленький ночник в форме луны. Вместе они заметили: правило «любая ложь стирала один предмет из памяти» утрачивает силу, когда в полдень над городом раздался второй звон колокола.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в полдень над городом раздался второй звон колокола, явление исчезло, а на подоконнике оказался маленький ночник в форме луны, и находка подготовила его к решающему возвращению.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: рынок, где продавали чужие воспоминания; воздух пах дождём и железом, все фотографии были сделаны завтра, вдобавок в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме. В кармане оказалась находка: три спички в коробке без этикетки; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в лифте мигала кнопка этажа, которого не было в доме.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии по радио передали голос Веры из другого мира, а рядом происходило ещё одно несоответствие: девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: часы шли назад, если он касался чужих фотографий; подтверждением было то, что девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени. Переход вывел его к месту: квартал одинаковых домов на краю города; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и бережно раскрыла ладонь с предметом — фотография Веры в незнакомом платье. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, Льву предстояло принять, что некоторые двери нельзя открыть.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка заставила Воронцова впервые усомниться, потому что она была связана с тем, как девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени; на маршруте был отмечен и этот предмет: фотография Веры в незнакомом платье. Вместе они заметили: правило «часы шли назад, если он касался чужих фотографий» утрачивает силу, когда девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, явление исчезло, а на подоконнике оказался фотография Веры в незнакомом платье, и находка заставила Воронцова впервые усомниться.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; воздух пах дождём и железом, двери открывались в комнаты из детства, вдобавок на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами. В кармане оказалась находка: карта города с зачёркнутой рекой; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на рынке женщина продавала стеклянные банки с чужими голосами.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в мокром стекле проявился рисунок детской ладони, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: вода отражала не лицо, а последнее сожаление; подтверждением было то, что на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях. Переход вывел его к месту: обсерватория на крыше института; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила перед ним предмет — половина серебряной пуговицы. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, Льву предстояло согласиться на жизнь, где аварии не было.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка разрушила одно из ложных убежищ, потому что она была связана с тем, как на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на перекрёстке стоял

милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях; на маршруте был отмечен и этот предмет: половина серебряной пуговицы. Вместе они заметили: правило «вода отражала не лицо, а последнее сожаление» утрачивает силу, когда на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, явление исчезло, а на подоконнике оказался половина серебряной пуговицы, и находка разрушила одно из ложных убежищ.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: архив кинохроники; воздух пах дождём и железом, фонари загорались от прикосновения памяти, вдобавок в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты, и боль от свежего пореза в ладони убеждала его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был охранником Института контуров и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты. В кармане оказалась находка: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в тоннеле метро звенели монеты, хотя рельсы были пусты.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на остановке появился автобус без водителя, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: переход закрывался, когда кто-то произносил слово «дом»; подтверждением было то, что в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники. Переход вывел его к месту: рынок, где продавали чужие воспоминания; там на всех часах было 06:17, и, пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и сняла с запястья необычную вещь — три спички в коробке без этикетки. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, Льву предстояло поверить версии мира, где он счастлив один.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка показала слабое место Тишины, потому что она была связана с тем, как в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники; на маршруте был отмечен и этот предмет: три спички в коробке без этикетки. Вместе они заметили: правило «переход закрывался, когда кто-то произносил слово «дом»» утрачивает силу, когда в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, явление исчезло, а на подоконнике оказался три спички в коробке без этикетки, и находка показала слабое место Тишины.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: маленькая гостиница у реки; воздух пах дождём и железом, птицы летели по кругу, не двигаясь вперёд, вдобавок

на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель», и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель». В кармане оказалась находка: маленький ночник в форме луны; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на лестничной клетке сидел кот с бумажной биркой «свидетель».

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии чужой ребёнок спросил, почему Лев всё ещё боится проснуться, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: все письма приходили на минуту раньше отправки; подтверждением было то, что на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо. Переход вывел его к месту: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и показала улику в свете фонаря — кассета с голосом Ники. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, Льву предстояло оставить в чужом мире часть собственной памяти.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка предупредила о последней настройке камеры, потому что она была связана с тем, как на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо; на маршруте был отмечен и этот предмет: кассета с голосом Ники. Вместе они заметили: правило «все письма приходили на минуту раньше отправки» утрачивает силу, когда на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, явление исчезло, а на подоконнике оказался кассета с голосом Ники, и находка предупредила о последней настройке камеры.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: ночной вокзал с несуществующей платформой; воздух пах дождём и железом, на всех часах было 06:17, вдобавок на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом. В кармане оказалась находка: обгоревшая карточка с детским рисунком; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на остановке старик чертил в снегу круги и стирал их рукавом.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в витрине застыла тень мальчика с красным шаром, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нельзя было произносить имена вслух; подтверждением было то, что в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой. Переход вывел его к месту: архив кинохроники; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из кармана находку — часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, Льву предстояло оставить Веру в чужом городе.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка приблизила его к архиву Института, потому что она была связана с тем, как в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой; на маршруте был отмечен и этот предмет: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Вместе они заметили: правило «нельзя было произносить имена вслух» утрачивает силу, когда в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, явление исчезло, а на подоконнике оказался часы, на которых отсутствовала минутная стрелка, и находка приблизила его к архиву Института.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: двор старого дома, где окна меняли этажи; воздух пах дождём и железом, в зеркалах отражался другой день, вдобавок из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был машинистом первого городского трамвая и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками. В кармане оказалась находка: половина серебряной пуговицы; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как из окна прачечной вылетали белые листы с детскими рисунками.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в трамвае кондуктор назвал его именем погибшего отца, а рядом происходило ещё одно несоответствие: под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: двери открывались лишь после честного ответа; подтверждением было то, что под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями. Переход вывел его к месту: маленькая гостиница у реки; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и передала ему предмет обеими руками — трамвайный билет с завтрашней датой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, Льву предстояло признать свою вину перед Верой.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был мастером часов, ни разу не видевшим полдня, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка превратила старую фотографию в ключ, потому что она была связана с тем, как под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями; на маршруте был отмечен и этот предмет: трамвайный билет с завтрашней датой. Вместе они заметили: правило «двери открывались лишь после честного ответа» утрачивает силу, когда под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, явление исчезло, а на подоконнике оказался трамвайный билет с завтрашней датой, и находка превратила старую фотографию в ключ.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: пустая школа с мокрыми коридорами; воздух пах дождём и железом, снег шёл снизу вверх, вдобавок на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва. В кармане оказалась находка: ключ без замочной скважины; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на мостовой лежал компас, стрелка которого указывала на Льва.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на мостовой возникли детские следы, обрывавшиеся у воды, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: дорога менялась после каждого обещания; подтверждением было то, что на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал. Переход вывел его к месту: ночной вокзал с несуществующей платформой; там на всех часах было 06:17, и, пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и подвинула к нему находку по столу — обгоревшая карточка с детским рисунком. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, Льву предстояло решить, кого спасти в первую очередь.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка показала, что дом не всегда находится по адресу, потому что она была связана с тем, как на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал; на маршруте был отмечен и этот предмет: обгоревшая карточка с детским рисунком. Вместе они заметили: правило «дорога менялась после каждого обещания» утрачивает силу, когда на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, явление исчезло, а на подоконнике оказался обгоревшая карточка с детским рисунком, и находка показала, что дом не всегда находится по адресу.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: городской музей, закрытый после полуночи; воздух пах дождём и железом, люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, вдобавок над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света. В кармане оказалась находка: кассета с голосом Ники; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как над пожарной лестницей горела одинокая лампа дневного света.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в лифте зазвучала колыбельная, которой не знала Вера, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: незнакомцы помнили только то, что им не принадлежало; подтверждением было то, что в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам. Переход вывел его к месту: двор старого дома, где окна меняли этажи; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила улику на перевёрнутую фотографию — стеклянная пластина с отпечатком ладони. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам, Льву предстояло отпустить шанс переписать прошлое.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка вернула Льву фрагмент детского воспоминания, потому что она была связана с тем, как в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам; на маршруте был отмечен и этот предмет: стеклянная пластина с отпечатком ладони. Вместе они заметили: правило «незнакомцы помнили только то, что им не принадлежало» утрачивает силу, когда в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в школьной столовой все дети одновременно поднимали головы к часам, явление исчезло, а на подоконнике оказался стеклянная пластина с отпечатком ладони, и находка вернула Льву фрагмент детского воспоминания.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: больница без пациентов; воздух пах дождём и железом, у прохожих не было теней, вдобавок в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты. В кармане оказалась находка: письмо, адресованное человеку без имени; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в хлебной очереди люди передавали друг другу незапечатанные конверты.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на газетной полосе появилась его завтрашняя фотография, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нельзя было смотреть в окна после заката; подтверждением было то, что на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад. Переход вывел его к месту: пустая школа с мокрыми коридорами; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и вынула находку из внутреннего кармана — ключ без замочной скважины. Она сказала, что в её мире Ника жива, но

каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, Льву предстояло встретиться с двойником лицом к лицу.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был охранником Института контуров, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка позволила услышать настоящий голос Ники, потому что она была связана с тем, как на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад; на маршруте был отмечен и этот предмет: ключ без замочной скважины. Вместе они заметили: правило «нельзя было смотреть в окна после заката» утрачивает силу, когда на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на стене подъезда проступала карта реки, исчезнувшей много лет назад, явление исчезло, а на подоконнике оказался ключ без замочной скважины, и находка позволила услышать настоящий голос Ники.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: речной порт под землёй; воздух пах дождём и железом, телефоны звонили без номеров, вдоваков в полдень над городом раздался второй звон колокола, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был зрителем музея несбывшихся вещей и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в полдень над городом раздался второй звон колокола. В кармане оказалась находка: трамвайный билет с зава-трашной датой; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в полдень над городом раздался второй звон колокола.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии во дворе погасли все окна, кроме одного, а рядом происходило ещё одно несоответствие: пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: дети видели разломы, но не могли о них говорить; подтверждением было то, что пожилая женщина кормила птиц крошками из письма. Переход вывел его к месту: городской музей, закрытый после полуночи; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и вынула из конверта странный предмет — карта города с зачёркнутой рекой. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, Льву предстояло позволить камере выбрать за него.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был архивистом, записывающим сны жителей города, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка дала Майе новый след, потому что она была связана с тем, как пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока пожилая женщина

кормила птиц крошками из письма; на маршруте был отмечен и этот предмет: карта города с зачёркнутой рекой. Вместе они заметили: правило «дети видели разломы, но не могли о них говорить» утрачивает силу, когда пожилая женщина кормила птиц крошками из письма.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда пожилая женщина кормила птиц крошками из письма, явление исчезло, а на подоконнике оказался карта города с зачёркнутой рекой, и находка дала Майе новый след.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: квартал одинаковых домов на краю города; воздух пах дождём и железом, на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, вдобавок девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени. В кармане оказалась находка: фотография Веры в незнакомом платье; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как девочка в синем пальто рисовала на стекле лестницу без последней ступени.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии незнакомый мальчик протянул ему билет с номером 17, а рядом происходило ещё одно несоответствие: из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: нужно было идти только против потока людей; подтверждением было то, что из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака. Переход вывел его к месту: больница без пациентов; там на всех часах было 06:17, и, пока из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и протянула находку через полосу света — письмо, адресованное человеку без имени. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака, Льву предстояло сказать Вере правду, которую она не хочет слышать.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка открыла путь к подземной реке, потому что она была связана с тем, как из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака; на маршруте был отмечен и этот предмет: письмо, адресованное человеку без имени. Вместе они заметили: правило «нужно было идти только против потока людей» утрачивает силу, когда из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда из окна чердака свисала красная нить, уходившая в облака, явление исчезло, а на подоконнике оказалось письмо, адресованное человеку без имени, и находка открыла путь к подземной реке.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: обсерватория на крыше института; воздух пах дождём и железом, река текла к истоку, вдобавок на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был мастером часов, ни разу не видевшим полдня и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях. В кармане оказалась находка: стеклянная пластина с отпечатком ладони; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на перекрёстке стоял милиционер с лицом, которого не было на старых фотографиях.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в подъезде пахло морем, хотя до моря были тысячи километров, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Не торопясь, Лев проверил правило мира: свет гас, когда он думал о возвращении; подтверждением было то, что в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись». Переход вывел его к месту: речной порт под землёй; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и положила вещь на край подоконника — маленький ночник в форме луны. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», Льву предстояло дать Тишине забрать имя Ники.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был машинистом первого городского трамвая, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка связала аварию с выбором самого Льва, потому что она была связана с тем, как в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись»; на маршруте был отмечен и этот предмет: маленький ночник в форме луны. Вместе они заметили: правило «свет гас, когда он думал о возвращении» утрачивает силу, когда в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись».

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в аптеке продавец беззвучно повторял слово «вернись», явление исчезло, а на подоконнике оказался маленький ночник в форме луны, и находка связала аварию с выбором самого Льва.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: рынок, где продавали чужие воспоминания; воздух пах дождём и железом, все фотографии были сделаны завтра, вдобавок в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был фотографом, чьи снимки меняли прошлое и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники. В кармане оказалась находка: три спички в коробке без этикетки; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в больничном коридоре пахло яблочным шампунем Ники.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии старая женщина назвала Нику взрослым именем, а рядом происходило ещё одно несоответствие: у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

Не торопясь, Лев проверил правило мира: тень всегда выбирала путь раньше человека; подтверждением было то, что у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать». Переход вывел его к месту: квартал одинаковых домов на краю города; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и сняла с шеи вещь, которую берегла — фотография Веры в незнакомом платье. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», Льву предстояло отказаться от обещания, которое нельзя выполнить.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был следователем по делам о пропавших днях, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка изменила карту переходов, потому что она была связана с тем, как у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать»; на маршруте был отмечен и этот предмет: фотография Веры в незнакомом платье. Вместе они заметили: правило «тень всегда выбирала путь раньше человека» утрачивает силу, когда у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать».

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда у светофора лежала связка ключей с биркой «не открывать», явление исчезло, а на подоконнике оказался фотография Веры в незнакомом платье, и находка изменила карту переходов.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; воздух пах дождём и железом, двери открывались в комнаты из детства, вдобавок на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо. В кармане оказалась находка: карта города с зачёркнутой рекой; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на крыше медленно вращалась антенна, направленная в пустое небо.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии в телефонной будке лежал ключ от их квартиры, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: каждый звонок требовал оставить одно воспоминание; подтверждением было то, что в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки. Переход вывел его к месту: обсерватория на крыше института; там двери открывались в комнаты из детства, и, пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и подняла с пола предмет, будто ждала его — половина серебряной пуговицы. Она сказала, что в её мире Ника жива,

но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки, Льву предстояло не поддаваться голосу ребёнка из темноты.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка оставила на ладони знак следующего измерения, потому что она была связана с тем, как в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки; на маршруте был отмечен и этот предмет: половина серебряной пуговицы. Вместе они заметили: правило «каждый звонок требовал оставить одно воспоминание» утрачивает силу, когда в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в трамвайном депо играла мелодия из Никиной музыкальной шкатулки, явление исчезло, а на подоконнике оказался половина серебряной пуговицы, и находка оставила на ладони знак следующего измерения.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: архив кинохроники; воздух пах дождём и железом, фонари загорались от прикосновения памяти, вдобавок в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был охранником Института контуров и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой. В кармане оказалась находка: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в пустом киоске продавали газеты с одной и той же завтрашней датой.

На раннем отрезке пути, когда он ещё верил в простой выход, в этой версии на школьной доске кто-то написал дату аварии, а рядом происходило ещё одно несоответствие: в парке качели двигались, хотя ветра не было.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: люди исчезали из поля зрения, если их пожалеть; подтверждением было то, что в парке качели двигались, хотя ветра не было. Переход вывел его к месту: рынок, где продавали чужие воспоминания; там на всех часах было 06:17, и, пока в парке качели двигались, хотя ветра не было, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из сумки единственную улику — три спички в коробке без этикетки. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока в парке качели двигались, хотя ветра не было, Льву предстояло сделать выбор без гарантии вернуться.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был таксистом, знавшим дороги между измерениями, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи в парке качели двигались, хотя ветра не было.

страх уступал внимательности, и Лев учился отличать подлинную память от чужой роли; находка связала все варианты Веры в одну цепочку, потому что она была связана с тем, как в парке качели двигались, хотя ветра не было.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока в парке качели двигались, хотя ветра не было; на маршруте был отмечен и этот предмет: три спички в коробке без этикетки. Вместе они заметили: правило «люди исчезали из поля зрения, если их пожалеть» утрачивает силу, когда в парке качели двигались, хотя ветра не было.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда в парке качели двигались, хотя ветра не было, явление исчезло, а на подоконнике оказался три спички в коробке без этикетки, и находка связала все варианты Веры в одну цепочку.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: маленькая гостиница у реки; воздух пах дождём и железом, птицы летели по кругу, не двигаясь вперёд, вдобавок под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был пожарным, приехавшим на аварию десять лет назад и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями. В кармане оказалась находка: маленький ночник в форме луны; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как под мостом кто-то оставил детскую варежку, набитую сухими листьями.

К середине пути, когда переходы сложились в намеренно проложенный маршрут, в этой версии в почтовом ящике нашлась открытка из города, которого не было на карте, а рядом происходило ещё одно несоответствие: на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: вещи возвращались на место только после прощения; подтверждением было то, что на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить. Переход вывел его к месту: лес за кольцевой дорогой, в котором не было птиц; там люди произносили фразы, которые Лев ещё только собирался сказать, и, пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и разжала ладонь и показала улику — кассета с голосом Ники. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить, Льву предстояло потерять последнее настоящее воспоминание.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был моряком на судне, стоявшем в подземной реке, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

встречи с помнящими лишнее людьми убедили его: память бывает не привилегией, а испытанием; находка сделала Сбившихся его союзниками, потому что она была связана с тем, как на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить; на маршруте был отмечен и этот предмет: кассета с голосом Ники. Вместе они заметили: правило «вещи возвращались на место только после прощения» утрачивает силу, когда на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не входить.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда на площади мальчик рисовал мелом дверь и просил никого не вхо-

дить, явление исчезло, а на подоконнике оказался кассета с голосом Ники, и находка сделала Сбившихся его союзниками.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: ночной вокзал с несуществующей платформой; воздух пах дождём и железом, на всех часах было 06:17, вдобавок на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был врачом, который каждый день спасал людей, но не помнил их лиц и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал. В кармане оказалась находка: обгоревшая карточка с детским рисунком; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как на вокзале звучало объявление о поезде, который не прибывал.

К середине пути, когда переходы сложились в намеренно проложенный маршрут, в этой версии дворник подметал снег, оставляя на асфальте стрелки, а рядом происходило ещё одно несоответствие: с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

Не торопясь, Лев проверил правило мира: любая ложь стирала один предмет из памяти; подтверждением было то, что с крыши старого дома падали капли тёплой воды. Переход вывел его к месту: архив кинохроники; там на каждом окне стояла одна и та же зелёная заколка, и, пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды, он решил идти туда, где несоответствие можно не только увидеть, но и понять.

К нему подошла женщина, похожая на Веру только походкой, и достала из книги спрятанную улику — часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Она сказала, что в её мире Ника жива, но каждое утро забывает предыдущую неделю; пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды, Льву предстояло вернуть найденную улику её настоящему владельцу.

Выход обнаружился не на карте, а в деталях: здесь Лев был учителем физики в школе, которой в его мире не существовало, носил другой паспорт и хранил чужую фотографию; увидев в тёмном стекле своё отражение, он отказался принимать предложенную измерением роль, пока снаружи с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

встречи с помнящими лишнее людьми убедили его: память бывает не привилегией, а испытанием; находка подготовила его к решающему возвращению, потому что она была связана с тем, как с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

Маршрут проступил на стене слабым синим светом, и Вера — настоящая или её вариант — напомнила Льву о трещине на чашке и Никиных карандашах, пока с крыши старого дома падали капли тёплой воды; на маршруте был отмечен и этот предмет: часы, на которых отсутствовала минутная стрелка. Вместе они заметили: правило «любая ложь стирала один предмет из памяти» утрачивает силу, когда с крыши старого дома падали капли тёплой воды.

Другой Лев ждал за дверью и предлагал начать заново, но получил ответ: начало без продолжения — клетка; когда с крыши старого дома падали капли тёплой воды, явление исчезло, а на подоконнике оказался часы, на которых отсутствовала минутная стрелка, и находка подготовила его к решающему возвращению.

Лев открыл глаза в мире, где за окном виднелось знакомое место: двор старого дома, где окна меняли этажи; воздух пах дождём и железом, в зеркалах отражался другой день, вдобавок в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам, и боль от свежего пореза в ладони убедила его, что это не сон, а очередная версия реальности.

Здесь Лев был машинистом первого городского трамвая и помнил чужие привычки тела: где лежат ключи, как зовут коллег, какую чашку нельзя брать из шкафа, пока в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам. В кармане оказалась находка: половина серебряной пуговицы; рядом была тонкая царапина в форме буквы Н — знак, который Ника

рисовала в детстве, и Лев связал её с тем, как в школьной столовой все дети одновременно подняли головы к часам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.